

Островская Инна Валериевна

**ХЕРСОНЕССКИЙ СВЯТО-ВЛАДИМИРОВСКИЙ МОНАСТЫРЬ ПОСЛЕ УСТАНОВЛЕНИЯ
СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В КРЫМУ (НОЯБРЬ 1920 - 1921 Г.)**

Статья раскрывает деятельность Херсонесского Свято-Владимировского мужского монастыря после установления в ноябре 1920 г. советской власти в Крыму и Севастополе. На основе выявленных архивных документов исследуется положение монахов одного из самых крупных монастырей в начале XX в. на юге России. В ходе анализа опросных листов чрезвычайных органов советской власти установлены состав, численность, мировоззренческая позиция монахов, оставшихся в монастыре после эвакуации войск Врангеля. Дано представление об отношении органов советской власти к монашеству в первые годы ее установления на полуострове.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/11-1/37.html

Источник

**Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и
искусствоведение. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2015. № 11 (61): в 3-х ч. Ч. I. С. 135-139. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/11-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

EURASIAN IDEA OF NURSULTAN NAZARBAYEV: FROM THEORY TO PRACTICE

Odnostalko Ol'ga Vladimirovna
Saint Petersburg State University
olgaodnostalko@gmail.com

The article is devoted to the modern development of Eurasian idea and its promotion by the President of Kazakhstan Nursultan Nazarbayev. The author considers the project of the Eurasian Union (EAU), which was put forward by the leader of Kazakhstan in 1994, and analyzes the texts of his speeches and papers devoted to the formation of the EAU and Eurasian integration. Basing on the received data this paper shows the evolution of the ideas of Kazakhstan leader related to Eurasianism and integration processes in Eurasian space.

Key words and phrases: President of Kazakhstan Nursultan Nazarbayev; The Eurasian Union project; Eurasian integration; The Eurasian Economic Union; regional associations.

УДК 94(271-7)

Исторические науки и археология

Статья раскрывает деятельность Херсонесского Свято-Владимировского мужского монастыря после установления в ноябре 1920 г. советской власти в Крыму и Севастополе. На основе выявленных архивных документов исследуется положение монахов одного из самых крупных монастырей в начале XX в. на юге России. В ходе анализа опросных листов чрезвычайных органов советской власти установлены состав, численность, мировоззренческая позиция монахов, оставшихся в монастыре после эвакуации войск Врангеля. Дано представление об отношении органов советской власти к монашеству в первые годы ее установления на полуострове.

Ключевые слова и фразы: Херсонесский мужской Свято-Владимировский монастырь; исправительно-трудовой лагерь; Севастопольский ревком; политические репрессии; духовенство; опросные листы; Аксаков Александр Петрович.

Островская Инна Валериевна

Музей героической обороны и освобождения Севастополя
ostrov-33@mail.ru

**ХЕРСОНЕССКИЙ СВЯТО-ВЛАДИМИРОВСКИЙ МОНАСТЫРЬ ПОСЛЕ УСТАНОВЛЕНИЯ
СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В КРЫМУ (НОЯБРЬ 1920 – 1921 Г.)©**

В отечественной историографии тема окончания Гражданской войны в Крыму тесно переплетена с послевоенными событиями ноября-декабря 1920 г., которые часто характеризуются как «красный террор». В настоящее время термин «красный террор» не имеет общепризнанного значения. Для части историков понятие «красный террор» тесно связано с репрессивной политикой советской власти, начиная с самосудов октября 1917 г. вплоть до 1923 г. [3; 12]. Другая часть историков характеризует Красный террор как крайнюю, вынужденную и ответную меру против белого террора и его началом считает постановление СНК РСФСР от 5 сентября 1918 г. «О красном терроре» [2; 5]. В постсоветской украинской и российской историографии оживление интереса исследователей к теме «красного террора» в Крыму было связано с юбилейными мемориальными датами по случаю исхода Русской армии барона Врангеля из Крыма. Вероятно, отсутствие устойчивого интереса украинских и российских историков к данной теме было связано с тем, что с одной стороны, в рассматриваемый период полуостров не входил в состав Украины, а с другой, история украинского народа на определенном этапе региона была малоактуальна и не востребована в российских научных кругах.

Изучением репрессивной политики большевиков в Крыму на рубеже 1920-1921 гг. занимались, в основном, местные историки. Среди них С. Б. Филимонов, В. П. Петров, братья Зарубины, коллектив сотрудников научно-редакционной группы издания «Реабилитированные историей», объединивший преподавателей исторического факультета Таврического университета [11; 15; 17; 19]. Ими была проделана значительная работа по выявлению, изучению и вводу в научный оборот значительного объема архивных документов. Большой вклад в изучение проблемы внесли украинские исследователи Т. Быкова, Л. М. Абраменко, работавшие с документами в архивах Киева [1; 4].

Несмотря на значительный объем проделанной работы, следует констатировать, что события ноября-декабря 1920 г. в Севастополе остаются малоизученными. Интерес к данной теме исследования был связан с появлением новых сведений о работе на базе Херсонесского монастыря исправительно-трудового концентрационного лагеря для бывших «господствующих элементов» [16, с. 48]. Так же побудительным мотивом

к исследовательской работе стало утверждение некоторых исследователей о массовом терроре в ноябре-декабре 1920 г. по отношению к священнослужителям, оставшимся в Крыму после ухода армии Врангеля. Первые упоминания о работе концентрационного лагеря мы находим у С. Б. Филимонова в книге «Тайна застенков» [19, с. 298]. В ходе исследовательской работы по выявлению документов по работе данного лагеря было установлено, что параллельно с ним на территории монастыря продолжали находиться и монахи монастыря, прошедшие проверку особых чрезвычайных органов. Научный интерес для исследования имеют опросные листы, заполненные 30-ю монахами и послушниками Херсонесского монастыря 28-29 декабря 1920 г., которые позже были рассмотрены на заседании Чрезвычайной Тройки Крымской Ударной группы Управления Особотделов Южжогзапфронтов. Данные документы дают представление о составе, численности, образовании братии, времени нахождения в монастыре, оценках происходящего.

Согласно Приказу Крымревкома № 167 от 25 декабря 1920 г. местным властям предписывалось в десятидневный срок со дня опубликования документа произвести регистрацию не только всех бывших офицеров, военных и гражданских чиновников, полицейских, но и духовенства [18, с. 23]. К регистрационным документам, по которым шел учет обратившихся в связи с данным приказом, относились как анкеты для бывших участников белых армий, так и опросные листы особой Фронтовой комиссии. С ними работали как тройки Крымской ударной группы Управления Особотделов Южжогзапфронтов, так и 4-й армии, Особого отдела 46 дивизии, Особого отдела Черназморей.

1 января 1921 г. на заседание Чрезвычайной Тройки Крымской Ударной группы Управления Особотделов Южжогзапфронтов после рассмотрения ряда анкет и опросных листов в отношении 30-ти монахов и послушников было принято решение передать их в распоряжение зав. отделом Управления Севревкома, хотя первоначально против фамилий группы монахов в протоколе значилось «Монахи и жены офицеров передаются в распоряжение концлагеря на их усмотрение» [6, д. 022203, л. 2].

Исправительно-трудовой лагерь работал на территории Херсонесского монастыря с 1 января по 1 августа 1921 г. Первоначально туда было определено 295 человек, но к 13 января 1921 г. по распоряжению зав. отделом Управления Севревкома многие были освобождены. В лагере оставалось 150 человек. В воспоминаниях С. Крылова, председателя Севревкома читаем: «Особый отдел 46 дивизии производил массу беспричинных арестов. Ревком обращался с требованием прекратить безобразие – помогало мало. Чувствовалась поддержка начсособотдела армии Михельсона – Кудряшева» [13, с. 15]. Сразу заметим, монахи не влились в ряды сидельцев, что подтверждает их отсутствие в поименном списке находящихся в лагере. Они существовали общиной обособлено, проживая в доме притча, за оградой монастыря, и продолжая службу в культовых зданиях на территории монастыря.

По состоянию на 1 января 1921 г. в границах монастыря к ним относились соборный храм во имя св. равноапостольного кн. Владимира, церковь во имя Корсуньской иконы Божией матери и церковь во имя Семи херсонесских священномучеников, содержащих дорогостоящую церковную утварь из золота, серебра, драгоценных камней. Однако весь «живой и мертвый с/х инвентарь» монастыря ранее был реквизирован в пользу концлагеря. В ведении лагеря оставалась большая часть построек внутри ограды монастыря, так как его расположение и обустройство четко регламентировалось Постановлением ВЦИК Советов от 17 мая 1919 г. «Об организации лагерей принудительных работ». В примечаниях к разделу «организация лагерей» данного постановления отмечалось: «В зависимости от местных условий лагеря принудительных работ могут быть устраиваемы как в черте города, так и в находящихся вблизи него поместьях, монастырях, усадьбах...» [14].

Опросные листы включали 33 пункта, помимо сведений о классовом происхождении, национальности, роде занятий до войны, в них были вопросы, «в каком звании и в какой части служил до 1917 года», «каким образом очутился в Крыму», «почему не уехал с остатками врангелевской армии». Отдельными пунктами в анкете были вопросы на политическую благонадежность. Среди них «Как оцениваете вмешательство Англии и Франции в дела Советской России», «Как оцениваете мир Польши с Советской Россией», «Какую цель преследовал Врангель в войне с Советской Россией».

В общей сложности было заполнено 26 опросных листов; среди них 18 были заполнены священнослужителями и монахами, из которых сан монаха имели 7 мужчин, иеромонаха – 5, игумена – 2, иеродьякона – 2, архимандрита – 2. Насчитывалось и 8 обитателей монастыря – это: портной, хлебопек, сапожник, садовник, печник, кухарка. Заполненная графа об отношении к советской власти дает представление о позиции священнослужителей относительно преобразований в обществе. Здесь встречаются следующие ответы иеромонаха Илариона (Мальшко) – «всякая власть от бога», иеромонаха Амвросий (Торобченко) – «принял советскую власть как народную», монах Никадим Зинчук – «советской власти подчиняюсь как здесь существующей» [6, д. 022203, л. 2].

Так как с 1899 г. монастырь был объявлен общежительным, и количество братии не ограничивалось, в нем стало возрастать число монашествующих. В 1907 г. их число составило 158 человек.

Средний возраст тех, кто оказался в Херсонесском монастыре в ноябре-декабре 1920 г. и прошел регистрацию составлял 53 года, – в основном, выходцы из крестьян с домашним образованием, но были и те, которые окончили народное училище. Среди монахов были участники русско-турецкой 1877-1878 гг. и 1-й Мировой войн, прошедшие плен в Австрии.

Долгожителями монастыря согласно опросным листам были игумен Лаврентий (Бережной Леонид Антонович), прибывший в монастырь по болезни и проживающий там с 1900 г., монах Никадим Зинчук, проживающий в Херсонессе с 1899 г., иеромонах Харитон Поступок (в миру Христофор Андреевич), проживающий с 1891 г. Некоторые из монахов оказались в монастыре еще в первое десятилетие XX века в связи с переводами

по болезни, среди них: игумен Досифий (Олиниченко Досифий Данилович) – из Перово, иеромонах Герасим (Колесник Иежим Леонтьевич) – из Киево-Печерской лавры. Также были монахи до прихода в св. Владимирский монастырь служившие в Бахчисарайском, Свято-Троицком Ионийском монастырях и в Новом Афоне.

Стаж нахождения в монашестве у прошедших регистрацию составлял от 6 до 29 лет. Был среди них и 55-ти-летний новоафонский монах Афон (Барактян Алексей Семенович) монашествующий с 1901 г., а также игумен Дидим, бывший настоятель Квабташевского Успенского монастыря Грузинской епархии.

Среди священнослужителей находилось и два архимандрита Дионисий в миру Чуднивец Дионисий Вукулович и архимандрит Зосима. В отношении последней персоналии предстоит дополнительное исследование. Из-за неразборчивого почерка при заполнении листа четко не читается фамилия архимандрита в миру – то ли Бондарев, то ли Бондарь.

Что же касается архимандрита Дионисия, то с 1919 г. в Севастопольском архиерейском доме он являлся заведующим и настоятелем Петропавловского храма. В ноябре 1920 г. он проходит через Чрезвычайную Тройку Крымской Ударной группы Управления Особотделов Южюгзапфронтов. В опросном листе в графе об отношении к советской власти указывает «рассматриваю ее как наказание за грехи наши». Какое-то время он находится при Херсонесском монастыре; в 1923 г. был арестован и заключен в тюрьму; в 1927 г. находим его в списке лишенных избирательных прав по Комарскому сельсовету Кр АССР вместе с сорокапятилетним монахом Филлипом (Шоль Константин Михайлович), имевшим стаж монастырской жизни более 20 лет и который также находился в Херсонесском монастыре в ноябре 1920 г. [10, ед. хр. 643, л. 126]. На вопрос «почему не уехал с Врангелем» монах Филипп тогда кратко написал – «ненавижу Врангеля». Предположительно и Дионисий, и Филипп во второй половине 1920-х гг. несли службу в Троицкой церкви в Кадыковке, что возле Балаклавы. Весной 1930 г. монах Дионисий, бывший настоятель Херсонесского монастыря был выселен из Севастопольского района на основании постановления Особой комиссии Севастопольского Горсовета [7, д. 470, л. 8].

В отличие от монахов, обитатели монастыря находились там непродолжительный срок, в среднем около 2-х лет, укрываясь от последствий стремительно разворачивающегося гражданского противостояния, переросшего в Гражданскую войну. Среди обитателей монастыря хлебопек Агофодор (Коваленко Александр Фролович), в прошлом унтер – офицер 35-го пехотного Брянского генерал-адъютанта князя Горчакова полка, сапожник Доминиан (Олиниченко Досифий Данилович) рядовой Елисаветпольского 156-й пехотного генерала князя Цицианова полка, пришедшие в монастырь еще в конце 1917 в начале 1918 г.

Исследовательской находкой является то, что среди данной группы мною была выявлена анкета 70-ти-летнего дворянина Аксакова Александра Петровича, гражданского чиновника, единственного из всех зарегистрированных имевшего высшее образование. Более того, его социальное происхождение и должность могли быть полновесным основанием для расстрела, как это было с группой из 26 человек, одновременно зарегистрированных с монахами в этот день по анкетам для регистрации бывших участников белых армий.

В результате поисковой работы было установлено, что Аксаков Александр Петрович, племянник Сергея Тимофеевича Аксакова, известный в России общественный деятель, публицист, сподвижник Столыпина. С мая 1904 г. служил в Гос. Контроле в Петербурге младшим ревизором. До этого момента служил в тюремных отделениях Ярославля, Вилене. В деле исправления «преступивших» главным считал «труд на благо людей и во имя бога». Являлся инициатором реформ в тюремном ведомстве, которые были осуществлены в незначительной части. В 1914-1915 гг. редактор сборника «Братская жизнь», а в 1916-1917 гг. – религиозно-общественного журнала «Зерна», выходившего как приложение к «Тюремному вестнику». Биографические сведения о нем занесены во все энциклопедии, однако, открытым оставался вопрос о его судьбе после 1917 г., что отмечено во всех справочных изданиях. Вообще сведения об Аксаковых тульско-рязанской ветви после 1917 г. весьма ограничены. Мои попытки связаться с представителями рода Аксаковых сегодня не увенчались успехом. Документально установлено, что Александр Петрович прибыл в Севастополь в марте 1920 г., найдя приют в стенах Херсонесского монастыря. Возможно здесь, на монастырском кладбище, с течением времени он и был упокоен. Однако это предстоит еще выяснить.

К концу июля 1921 г. постройки находящиеся в ведении исправительно-трудового лагеря передавались в распоряжение в/ч и собеса. Монастырские храмы продолжали службу. Под храмом было занято 250 кв. сажней земли, на 50 сажнях за оградой монастыря по-прежнему располагался дом притча, где продолжало жить 11 монахов [9, д. 92, л. 27].

Если говорить о численности общины при монастыре, то к концу ноября 1922 г. она насчитывала 210 человек и 8 священников. К этому времени монахи и граждане города заключили договор с Севастопольским горисполкомом о передаче в их пользование Херсонесского монастыря. Тогда же Херсонесский монастырь вошел в структуру Южно-Крымского окружного церковного управления, которое было создано в Севастополе представителями духовенства, поддерживавшего обновленческое движение в Российской православной церкви.

27 августа 1924 г. состоялось заседание Президиума СНК Крыма, на котором было рассмотрено ходатайство Наркомпроса Крыма от 18 августа № 199 о ликвидации собора в бывшем Херсонесском монастыре и о его передаче в ведение дирекции Херсонесских раскопок. Президиум постановил: «Просить КрымЦИК собор Херсонесского монастыря ликвидировать». Монахи, живущие в монастыре, обратились в Севастопольский исполком 8 апреля 1925 г. с просьбой все-таки оставить их там: «Но согласитесь товарищи, как тяжело нам оставить свой почти родной дом, в коем мы прожили по 20-30 лет... Посему осмеливаемся просить вас, добрейший товарищ, дайте нам возможность дожить свои дни в родном нам монастыре безвозмездно, т.к. мы

остаемся буквально без средств к существованию» [8, д. 53, л. 28]. Просьба монахов была удовлетворена, по решению органов власти города Севастополя они были оставлены в своих кельях. Данная ситуация могла сохраняться избирательно в отношении монахов вплоть до февраля 1930 г., когда Президиум ВЦИКа принял постановление о разрешении выселять из Севастополя лиц, лишенных избирательных прав. 21 мая 1930 г. на основании решения Особой комиссии Севастопольского Горсовета в десятидневный срок было объявлено о выселении и 71-летнего иеромонаха Херсонесского монастыря Поступка Христофора Андреевича.

Таким образом, имея к ноябрю 1920 г. опыт ликвидации монастырей на огромной территории советской России, крымские органы власти не пошли на быстрое и огульное закрытие монашеских обителей на полуострове, хотя по всей территории России к этому времени была уже закрыта подавляющая часть православных монастырей, а вся их движимая и недвижимая собственность, денежные средства национализированы. Можно констатировать, что на начальном этапе репрессивная политика советской власти на полуострове в отношении священнослужителей имела сдержанный характер и не коснулась, в частности, братии Херсонесского монастыря, что также опровергает тезис о целенаправленных репрессиях в отношении целевых групп «священник», «представитель духовенства». При этом необходимо учесть, что в ходе эвакуации из Крыма врангелевских войск значительная часть монахов и духовенства, поддержавших белое движение и режим барона Врангеля, покинула полуостров.

Что касается оставшихся монахов Херсонесского монастыря, то в связи с тем, что их большая часть прибывала в монастыре значительный период времени, а особому учету чрезвычайных органов советской власти подлежали прибывшие в Крым с февраля 1918 по март 1919 г. и с июня 1919 г., в их отношении было принято решение оставить братию при монастыре, сохранив им жизнь и ее церковный уклад. Оставшиеся в Херсонесском монастыре имели разную оценку в отношении новой власти, но смирились с ней и «признали как здесь существующую». Несмотря на то, что на территории монастыря был разбит исправительно-трудовой лагерь, община монастыря сосуществовала с ним практически на одной территории, осуществляя службу в его храме и церквях.

В связи с тем, что сегодня благодаря доступности архивов выявляются все новые документы, связанные с периодом установления советской власти на полуострове, появляется возможность всестороннего исследования противоречивых и до сих пор малоизученных событий рубежа 1920-1921 гг. Выявленные новые источники позволяют уточнить биографические данные общественных деятелей, пропавших на юге России в вихре гражданского противостояния и долгое время находившиеся в безывестности, как это было с русским писателем – публицистом Александром Петровичем Аксаковым, племянником знаменитого русского писателя Сергея Тимофеевича Аксакова. Данная тема также требует от исследователей вдумчивого, профессионального, комплексного подхода к пониманию сути событий, разворачивавшихся в Крыму в ноябре-декабре 1920 г. Надеемся, что это исследование в канун 95-ти-летия окончания Гражданской войны на юге России станет еще одним шагом к осмыслению трагических событий эпохи исторического перелома, которые затронули и братию Херсонесского монастыря.

Список литературы

1. **Абраменко Л. М.** Последняя обитель. Крым, 1920-1921 годы. Киев: МАУП, 2005. 480 с.
2. **Архипов Ю. С., Хайкин Я. З.** Логика истории и практики марксизма в России // *Философские исследования*. 2007. № 3. С. 47-57.
3. **Баберовскі Йорг.** Червоний терор. Історія сталінізму / пер. з нім. Киев: К.І.С., 2007. 248 с.
4. **Быкова Т. Б.** Масовий терор у період утвердження радянської влади в Криму (1918-1921 рр.) (укр.) // 3 архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ: журнал. Киев, 2001. Т. 2 (17). С. 437-464.
5. **Голуб П. А.** Белый террор в России (1918-1920 гг.). М.: Патриот, 2006. 479 с.
6. **Государственный архив Автономной Республики Крым.** Ф. Р. 4808. Оп. 1.
7. **Государственный архив города Севастополя (ГАГС).** Ф. Р-79. Оп. 2.
8. **ГАГС.** Ф. Р-79. Оп. 4.
9. **ГАГС.** Ф. Р. 420. Оп. 1.
10. **ГАГС.** Ф. Р. 430. Оп. 1.
11. **Зарубин А. Г., Зарубин В. Г.** Без победителей. Из истории Гражданской войны в Крыму. Симферополь: Антиква, 2008. 728 с.
12. **Красный террор в годы гражданской войны** [Электронный ресурс]: по материалам Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков / под ред. д.и.н. Ю. Г. Фельштинского и д.и.н. Г. И. Чернявского. URL: <http://lib.ru/HISTORY/FELSHTINSKY/krasnyjterror1.txt> (дата обращения: 26.08.2015).
13. **Крылов С.** Красный Севастополь. Севастополь: Гос. изд-во «Севастополь», 1921. 93 с.
14. **О лагерях принудительных работ:** Постановление ВЦИК Советов № 235 от 17 мая 1919 г. // *Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и крестьянского правительства за 1919 г.* Управление делами Совнаркома СССР. М., 1943. С. 327-332.
15. **Омельчук Д. В., Акулов М. Р., Вакатова Л. П., Шевцова Н. Н., Юрченко С. В.** Политические репрессии в Крыму (1920-1940). Симферополь, 2003. 208 с.
16. **Островская И. В.** Оставить эти концентрационные лагеря для... господ // *Военно-исторический журнал*. 2011. № 8. С. 46-49.
17. **Петров В. П.** К вопросу о красном терроре в Крыму в 1920-1921 гг. // *Проблемы истории Крыма: тезисы докладов науч. конф. (23-28 сентября)*. Симферополь, 1992. Вып. 2. С. 58-61.
18. **Ревкомы Крыма:** сборник документов и материалов. Симферополь: Крым, 1968. 240 с.
19. **Филимонов С. Б.** Тайны крымских застенков. Симферополь: Бизнес-Информ, 2003. 304 с.

**CHERSONESUS ST. VLADIMIR'S MONASTERY
AFTER THE ESTABLISHMENT OF SOVIET POWER IN CRIMEA (NOVEMBER, 1920 – 1921)**

Ostrovskaya Inna Valerievna
National Museum of Heroic Defence and Liberation of Sevastopol
ostrov-33@mail.ru

The article describes the activity of Chersonesus St. Vladimir's Monastery after the establishment of Soviet power in Crimea and Sevastopol in November, 1920. On the basis of identified archival documents the author examines the status of the monks of one of the biggest monasteries in the south of Russia at the beginning of the XX century. Analyzing the questionnaires of Soviet state security bodies the researcher identifies the structure, quantity, ideological attitude of the monks, who remained in the monastery after the evacuation of Wrangel's troops. The paper gives an idea of the attitude of the bodies of Soviet power towards the monkhood in the first years of its establishment on the peninsula.

Key words and phrases: Chersonesus St. Vladimir's Monastery; work camp; Sevastopol Revolutionary Committee; political repressions; the clergy; questionnaires; Aksakov Aleksandr Petrovich.

УДК 78.071.1

Искусствоведение

В статье рассматривается состояние фроттольной культуры двух итальянских регионов – Эмилии-Романьи и Папской области – в конце XV – первой половине XVI века. На основе данных о деятельности и публикациях светских песен ряда авторов, по большей части малоизвестных, сделаны выводы о формировании в данных регионах локальной традиции полифонической песни. Подчеркиваются преобладание церковных музыкантов, различная степень освоения ими жанров светской полифонии – от единичных случаев обращения к фроттоле до глубокого погружения в современные процессы перерастания песенной музыкальной стилистики в мадригальную.

Ключевые слова и фразы: итальянский Ренессанс; фроттола; музыканты Эмилии-Романьи; римская светская музыка; Микеле Пезенти; Костанцо Феста.

Панкина Елена Валериевна, к. искусствоведения, доцент
Новосибирская государственная консерватория имени М. И. Глинки
2miker@mail.ru

**ФРОТТОЛА В ТВОРЧЕСТВЕ ЦЕРКОВНЫХ МУЗЫКАНТОВ
ЭМИЛИИ-РОМАНЬИ И ПАПСКОЙ ОБЛАСТИ©**

История итальянской полифонической песни XV-XVI веков – фроттолы – неотделима от формирующихся в это время региональных традиций в области светской музыки. При этом фактор географической локализации фроттолистов обладает несомненной, но, вместе с тем, переменной и относительной значимостью. Большое количество авторов фроттол обращались к этому жанру крайне ограниченно и, возможно, случайно, судя по скромному объему сохранившихся песен. Для многих, прежде всего церковных музыкантов, полифоническая песня была явно вторичной, по сравнению с литургической музыкой. Имена тех, для кого эта жанровая область оказалась основой профессии и источником славы, единичны, и, несмотря на то, что эти музыканты не могли не контактировать, достоверные сведения об их творческом взаимодействии скудны или отсутствуют. Отдельные полифонические контрафактуры, будучи проявлением общей практики композиции, никак не могут расцениваться как показатель формирования региональной или межрегиональной школы. Немногочисленные данные о включении некоторых фроттолистов в обучение молодых музыкантов не позволяют прочертить ожидаемые линии преемственности в области многоголосной песни. Фигуры музыкантов, создававших и певших фроттолы, представляются связанными в некоторых случаях общим участием в музыкальных празднествах и представлениях, косвенно – отбором материала составителями рукописных и печатных собраний, но практически никогда – прямой цепочкой «учитель – ученик» или общностью выраженных стилистических поисков. В связи с этим обратим, например, внимание на то, что некоторые песни Тромбончино в разных источниках и исследованиях приписываются мантуанцу Каре, служившему в Венето и Риме Лурано, феррарцу Микеле Пезенти, моденцу Джакомо Фольяно, эмильянцу – «римлянину» Себастьяно Фесте, что свидетельствует не только о фактологических расхождениях, но и о значительной степени стилистической общности их песен.

Выделение групп музыкантов по региональному признаку, тем не менее, оправдано рядом причин. Прежде всего, оно дает представление об уровне и характере развития фроттольной культуры в отдельном регионе, разумеется, с учетом фактора фиксации, о степени вовлеченности музыкантов разных профессий